

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пограничные войска СССР 1939 — июнь 1941: Сб. документов и материалов. М., 1970. С. 45.

² См.: Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1975. С. 201.

³ См.: Панфилец А.В. Ленинградская милиция в годы блокады (сентябрь 1941 г. — январь 1944 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 19.

⁴ См.: Кокурин А., Петров Н. НКВД: структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1997. № 9. С. 96.

⁵ См.: Панфилец А.В. Указ. соч. С. 23.

⁶ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998. С. 172.

⁷ Иосиф Сталин — Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / Сост. Н. Ф. Бугай. М., 1992. С. 191–192.

⁸ Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960: Справочник / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 1997.

⁹ История сталинского ГУЛАГа. Конец 20-х — первая половина 1950-х гг.: Собр. документов: В 7 т. М., 2004. Т. 5. С. 561.

¹⁰ См.: Советская милиция: история и современность (1917–1987). М., 1987. С. 187.

¹¹ См.: Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел: Учеб. для вузов. М., 2005. С. 255.

¹² См.: Советская милиция: история и современность (1917–1987). С. 192.

¹³ См.: Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. Указ. соч. С. 256.

¹⁴ См.: Калашникова Н.В. История вологодской милиции. Вологда, 2003. С. 139.

¹⁵ См.: Кокурин А., Петров Н. НКВД: структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1997. № 11. С. 114.

Нормативно-правовое регулирование режима военного плена: опыт ретроспективного анализа

А. Л. КУЗЬМИНЫХ — преподаватель кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

Войны с глубокой древности были известны человечеству как особая форма насильственного решения тех или иных социальных проблем. Уже в период первобытно-общинного строя между отдельными племенами происходили вооруженные столкновения, которые велись с целью расширения территории, ставшей недостаточной для обеспечения того или иного человеческого сообщества необходимыми пищевыми ресурсами. В условиях господства присваивающего хозяйства род и племя не интересовала излишняя рабочая сила, и пленные уничтожались, а те, которым сохранялась жизнь, становились членами коллектива, будучи усыновленными. Широкое распространение у древних народов получило принесение пленников в жертву. Так, скифы устраивали особые святилища, где в жертву божеству приносили скот и захваченных невольников. По верованиям древних германцев, бог войны Вотан должен быть умилостивлен человеческой кровью: его жертвами становились пленные¹. Что касается склавин и антов, то они не убивали пленников, а предлагали им нехитрый выбор: либо за выкуп вернуться на родину, либо остаться на положении «свободных друзей»².

С развитием производственных отношений изменялось и отношение к пленным. Они приобрели определенную экономическую ценность. Им сохраняли жизнь и, превращая в рабов, эксплуатировали. Бегство пленных, укрывательство их правителями других государств, отказ выдавать беглецов нередко являлись поводом для начала военных конфликтов. В древности существовало две категории пленников: те, которые находились в собственности частных лиц, и те, которые находились в собственности государства. Первые могли продаваться, передаваться по наследству, то есть фактически являлись рабами. Хозяин мог убить невольника или сохранить ему жизнь. Что касается пленных, принадлежавших государству, то они имели более высокий социальный статус и даже сами могли иметь рабов.

Пленные иноземцы являлись одной из типичных социальных групп в большинстве древних обществ, выполняя масштабные производственные задачи.

К примеру, в Хеттском государстве захваченные в плен чужеземцы обрабатывали земли, разрабатывали рудники, строили дороги. Государство налагало на эту категорию лиц общегосударственные повинности, заселяло ими пустующие земли, наделяло землей, скотом, вело строгий учет, решая таким способом проблему воспроизводства рабочей силы за счет внутренних источников³.

Таким образом, государство с момента своего появления начинает активно регулировать режим военного плена, вырабатывать порядок содержания и трудового использования пленных, стратегию их интеграции в общество. Не забывало государство и о защите прав своих подданных, попавших в плен к неприятелю. Например, в п. 133 законов Хаммурапи говорилось, что, в случае если муж попал в плен, то его жена, не испытывающая материальной нужды, «не должна входить в дом другого». Этот поступок приравнивался к прелюбодеянию и сурово карался.

В древних законодательных памятниках прослеживается и мысль о гуманном отношении к поверженному врагу. Так, в древнеиндийских законах Ману говорится, что «воин не должен убивать того, кто просит о пощаде, кто с мольбой протягивает руки... говоря: «Я — твой пленник», также ни безоружного, ни обнаженного, ни раненого, ни бегущего»⁴.

В период античности возникает ряд обычаев, касающихся военного плена. Памятники V в. до н.э. свидетельствуют о том, что в это время уже была известна практика обмена пленными. Никиев мир, заключенный между Афинами и Спартой в 421 г. до н.э., обязывал афинян возвратить «всех лакедемонских граждан, содержащихся в заключении в Афинах или какой-либо другой части Афинского государства, а равно и всех союзников», а лакедемонянам возвратить всех афинян и их союзников⁵. В целом характерной чертой античного общества являлось тяжелое положение пленных, в число которых попадали все лица, захваченные на вражеской территории. В качестве примера можно сослаться на практику использования пленников в гладиаторских боях, существовавшую в Древнем Риме.

Тяжелым остается положение узников войны и в период средневековья — времени непрерывных и жестоких феодальных войн. Различие в режиме военного плена при феодализме, по сравнению с античностью, заключается в том, что система превращения пленных в рабов постепенно заменяется системой выкупа. Сумма выкупа зависела от богатства и достоинства пленного и равнялась для рыцаря его годовому доходу, а для рядового воина — месячному жалованию. Огромный выкуп платился в случае пленения персон королевской крови. Так, английский монарх Эдуард III за освобождение плененного в сражении при Пуатье в 1356 г. французского короля Иоанна потребовал 3 млн золотых крон. Для сбора этих средств французским властям пришлось установить особый налог, тяжесть которого пала на простолудников. Все это послужило причинами восстаний Жакерии и Этьена Марселя. В средневековой Европе договоры, устанавливавшие сумму выкупа, назывались картелями⁶.

Что касается древнерусского государства, то уже договоры первых киевских князей свидетельствуют о том, что в то время существовала практика взаимного выкупа. Так, в договорах князей Олега и Игоря с Византией 911 и 944 гг. предусматривался выкуп военнопленных как русскими, так и греками, причем при выкупе учитывались индивидуальные особенности пленных. Так, за молодого воина платили 10 золотников, за старого и дряхлого ратника — 5⁷.

В период монголо-татарского ига освобождение соотечественников из ордынского плена стало одной из важнейших государственных задач. Тысячи русских людей содержались в то время в Золотой Орде на положении рабов-заложников. В первую очередь в неволю уводили искусных ремесленников и молодых женщин, а также молодых мужчин, способных быть воинами. Излишек рабов ордынцы продавали на невольничьих рынках Крыма и Кавказа, государств Ближнего Востока. Сохранились сведения, что в 1429 г. в Италии за 17-летнюю русскую девушку была заплачена самая высокая цена, которую когда-либо платили за рабов в то время, — 2093 лиры. Для выкупа соотечественников из ордынского рабства был учрежден даже особый вид налога — «полонянничьи деньги»⁸.

По иному складывались отношения с европейскими соседями. В дипломатических документах эпохи Ивана Грозного встречаются упоминания о возвращении пленных на родину без выкупа. Так, в Плюсском и Тязвинском мирных договорах, заключенных между Россией и Швецией в 1583 и 1595 гг., предусматривалось «пленных без всякого откупа или размены отпустить»⁹. Примечательно, что гуманные инициативы в отношении военнопленных исходили от властолюбивого русского самодержца. Так, Е. А. Коровин приводит факт об отпуске Иваном IV в 1584 г. «без откупа и обмену» 900 поляков, после чего польский король поблагодарил русского царя «за такое государево к нему снисхождение»¹⁰.

С принципиально иных позиций проблема военнопленных стала рассматриваться в период Нового времени. В XVIII в. французский просветитель Ж.-Ж. Руссо высказал мысль о необходимости выделения особой категории лиц — комбатантов — и применения к ним режима военного плена. Мирное население, по его мнению, не должно подвергаться

массовому уничтожению и пленению. Идеи французского просветителя были известны в России, где уже имелся богатый опыт решения вопросов гуманитарного характера. Известно, как великодушно поступил Петр I со шведскими генералами, попавшими в плен в ходе Полтавской битвы¹¹. В Артикуле воинском, принятом в 1715 г., убивать военнопленных запрещалось под страхом «потеряния чести и живота»¹².

О гуманном обращении России в конце XVIII в. с обезоруженными неприятельскими солдатами свидетельствуют Правила для партикулярных российских корсаров, принятые 10 сентября 1788 г. В частности, в них говорилось: «По завладении всяким неприятельским судном, поступать с пленными со всяким человеколюбием и довольствоваться их пищею и всем нужным без недостатка, платья у них отнюдь не отнимать, и лишней строгости над ними не употреблять сверх присмотра, взыскиваемого самую безопасность судна, которое их в плен взяло, а если между ними будут находиться раненые, таковых стараться лечить и подавать им всякую помощь, по долгу человечества. Отнюдь не отдавать и не продавать в неволю какой-либо другой земле»¹³.

О том, как реализовались эти нормы на практике, свидетельствуют следующие факты. Академик Е. В. Тарле в своей работе «Адмирал Ушаков на Средиземном море» приводит ряд примеров гуманного отношения к захваченным французским морякам. Так, упоминается, что эскадрой Ушакова на острове Занто 13 октября 1798 г. были взяты в плен около 500 французских солдат и офицеров. «На русских кораблях с пленными французами обращались прекрасно, — пишет историк. — Тем же из них, кто попал на суда Кадыр-бея (адмирал турецкой эскадры. — *Прим. авт.*), довелось вынести муки галерных невольников»¹⁴.

Таким образом, Россия одна из первых европейских государств вступила на путь законодательного оформления гуманного обращения с жертвами войн. Она явилась также инициатором отказа от пленения гражданского населения. Вместе с тем единых правил содержания иностранных военнопленных в период царствования ни Петра I, ни Екатерины II, ни Павла I еще не существовало.

Новое содержание в понимание режима военного плена внесла Французская буржуазная революция. Декрет Национального собрания от 4 мая 1792 г. о военнопленных провозглашал, что захваченные в плен солдаты и офицеры неприятельской армии больше не принадлежат частным лицам, а «находятся под охраной нации и под особым покровительством закона». Далее говорилось: «Всякие суровости, насилие или издевательства, совершенные против военнопленных, будут наказываться, как если бы эти злоупотребления были совершены против французского гражданина»¹⁵. Однако принципы, провозглашенные революционной Францией, не были закреплены в международном праве, и они получили всемирное признание лишь спустя столетие.

Влияние европейских представлений на формирование режима военного плена демонстрирует Русско-шведская война 1808–1809 гг. По условиям капитуляции Свеаборгской и Швартгольмской крепостей весной 1808 г. личный состав гарнизонов объявлялся военнопленными и распускался по домам. Всем

офицерам предоставлялось право возвратиться в Швецию под «честное слово» и обещание больше не воевать против России и ее союзников. Офицерам финской национальности возвращались шпаги; они получали возможность жить в Финляндии по российским паспортам. В договор также была включена статья, согласно которой офицеры во время плена должны были получать их годовое жалование¹⁶.

Большой интерес для исследователя представляет изучение режима военного плена в период Отечественной войны 1812 г.¹⁷ Появление в ходе боевых действий на территории России более чем 200-тысячного контингента военнопленных стало для правительства Александра I серьезной проблемой. Политика царского правительства по отношению к военнопленным определялась решением двух текущих задач: с одной стороны, государство стремилось максимально удалить военнопленных от театра военных действий, с другой — создать нормальные условия для поддержания их жизни¹⁸. По распоряжению правительства для размещения военнопленных было выделено пять губерний: Вятская, Пермская, Оренбургская, Саратовская и Астраханская. Позднее в их число вошли Вологодская и Архангельская губернии.

Основным документом, регламентирующим положение пленных, было циркулярное предписание Министерства полиции от 29 августа 1812 г. В нем регулировались основные вопросы конвоирования, размещения и содержания пленных солдат противника. В соответствии с этим документом воинским командам поручалось следить, «чтобы пленным нигде ни от кого никакого притеснения оказываемо не было». Заболевших неприятельских военнослужащих поручалось отдавать на лечение в местные больницы¹⁹. Для направления партий пленных в отдаленные губернии была разработана система выделения порционных денег и провианта. На пропитание французам выдавалось суточное пособие, сумма которого зависела от чина и воинского звания: генерал получал ежедневно 3 руб., полковники и подполковники — 1 руб. 50 коп., майоры — 1 руб., обер-офицеры и нижние чины — 5 коп. Рядовые солдаты обеспечивались одеждой, а также получали паек, равный суточному пайку солдата русской армии²⁰.

Пленникам разрешалось заниматься мелкой торговлей, наниматься на работу. При этом местные власти контролировали, чтобы владельцы промышленных и торговых предприятий в обязательном порядке заключали с ними договор, устанавливающий размер заработной платы и продолжительность рабочего дня²¹. В январе 1813 г. Комитет министров, желая сократить казенные издержки на содержание пленных, разрешил использовать их труд на фабриках и заводах, в сельском хозяйстве, а также на подсобных работах²².

За жизнью военнопленных устанавливался надзор со стороны полиции, которой поручалось пресекать побег, беспорядки, а также нелегальную переписку. В мае 1813 г. вышло положение Комитета министров, в котором говорилось, что «военнопленных, учинивших разные проступки, надлежит судить по нашим законам военным судом, а где одного не из кого составить, то гражданским». Беглецов надлежало ссылать «в отдаленные сибирские города и крепости для строжайшего за ними наблюдения».

Русское правительство, желая воспользоваться профессиональными навыками военнопленных, объявило о возможности предоставления им российского подданства. Ремесленникам гарантировались освобождение от налогов и рекрутской повинности, свобода вероисповедания и ряд иных льгот. Однако мало кто из военнопленных желал остаться на чужбине — большинство предпочло возвратиться на родину.

Репатриация бывших солдат наполеоновской армии началась еще в конце 1812 г. Первыми право возвратиться на родину получили пруссаки, испанцы и португальцы. 28 мая 1814 г. вышел императорский указ о том, чтобы «все без изъятия пленные, каких бы наций они ни были, отпущены были в отечество с должным распоряжением к обеспечению содержания их до границ наших»²³.

Анализ законодательства о военнопленных периода Отечественной войны 1812 г. позволяет говорить о попытках расширения прав военнопленных при одновременном усилении надзора за жизнью иностранных подданных на территории Российской империи. Налицо и стремление государства максимально сократить расходы на содержание пленных, что вылилось во внедрение практики самообеспечения. Отметим также влияние сословного и имущественного положения пленников на их содержание.

Определенные новации в российское законодательство по проблеме военного плена внесла Крымская война 1853–1856 гг. Особый интерес для исследователя представляют утвержденные императором положения и циркуляры министра внутренних дел, направляемые губернаторам. Так, в предписании главы МВД от 23 октября 1856 г. излагались условия проживания на территории Российской империи оставшихся после войны перебежчиков и дезертиров иностранных армий. Главным требованием являлись принятие русского подданства, а также выбор занятий и местожительства. Бывшим военнопленным запрещалось проживать в Москве, Санкт-Петербурге, а также в приграничных территориях: Польше, Курляндии, Финляндии, Бессарабии. Иностранцам разрешалось приписываться к сословию мещан или государственных крестьян при согласии на это членов общества или же поступать на военную службу. Особые льготы устанавливались для военнопленных, принявших православие, вплоть до пожизненного освобождения от оброчной и подушной подати. Остальные освобождались от натуральных и рекрутских повинностей на 10 лет. Приписанные к тому или иному сословию получали от казны денежное пособие на домоустройство, причем эта сумма удваивалась для принявших православие. При нежелании принять российское подданство военнопленных предписывалось выслать из России «туда, куда пожелают» с сопровождением их до границы²⁴. Любопытно, что захоронение турецких военнопленных, умерших в российской провинции, разрешалось производить по мусульманским обычаям. Тем не менее политика явного покровительства и разделения военнопленных по религиозному принципу не дает оснований для утверждения о существовании свободы вероисповедания военнопленных.

60-е гг. XIX в. по праву можно считать заметной вехой в регулировании режима военного плена. Военных и политиков заняла решением этой пробле-

мы вынуждал сам ход событий: в результате боевых действий в неприятельском плену оказывались уже не сотни и тысячи, а десятки и сотни тысяч солдат и офицеров, от положения которых нередко зависела судьба и престиж нации. Так, в результате крупнейшего сражения в ходе Франко-прусской войны 1870–1871 гг. при Седане в немецком плену оказались 83 тыс. французских солдат, офицеров и генералов вместе с Наполеоном III²⁵. Многократно выросли и потери среди узников войны. Например, в годы гражданской войны в США в 1861–1865 гг. северяне взяли в плен 220 тыс. южан, из числа которых в плену от ран и болезней скончались около 27 тыс., то есть 12%, а южане пленили 127 тыс. северян, из которых погибли в неволе 29%²⁶.

В 1863 г. в Швейцарии был основан Международный комитет Красного Креста — благотворительная организация, оказывающая помощь жертвам войн и вооруженных конфликтов. Первым председателем МККК был избран швейцарский гражданин Густав Муанье.

В 1864 г. по инициативе одного из учредителей МККК Анри Дюнана состоялась международная конференция по регулированию правил ведения войны. Итогом ее работы стала Конвенция об улучшении во время сухопутной войны участи раненых и больных воинов, которую подписали представители 12 государств, в том числе и России. Согласно ст. 6 упомянутой конвенции каждый воин имел право на лечение независимо от того, принадлежит ли он к своим или неприятельским войскам.

Вслед за этим Россия выступила инициатором проведения конференции по кодификации военного права, которая прошла в Брюсселе в 1874 г. Накануне появилась нота российского Министерства иностранных дел, к которой прилагался уже готовый проект конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Автором данного документа был известный дипломат Ф.Ф. Мартенс. Впервые правила поведения на поле боя распространялись не только на армию, но и на участников добровольческих отрядов и ополчения. При этом последние приобретали статус военнопленных, если вооруженные формирования, в которые они вступали, во-первых, имели во главе лицо, ответственное за своих подчиненных, во-вторых, имели отличительный знак, в-третьих, открыто носили оружие, в-четвертых, соблюдали законы и обычаи войны. Тем не менее, несмотря на все усилия российской делегации, проект конвенции, насчитывавший 60 статей, так и остался проектом. Участники конференции, прежде всего английская, французская и прусская делегации, полагавшиеся скорее на право силы, чем на силу права, не стремились связывать себя столь многообязывающим соглашением.

Ряд законодательных актов, регулирующих положение военнопленных, появился в России во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Так, циркуляр МВД от 16 сентября 1877 г. обязывал обеспечить пленных турок исправной одеждой и обувью. Временное положение от 2 июля 1877 г. разрешало местным властям использовать военнопленных на государственных, общественных и частных работах, однако оговаривало, что виды труда не должны быть унижительны для воинского звания и общественного положения военнопленного, занимаемого им на родине, а также иметь отношение к боевым действиям против

их отечества²⁷. Таким образом, законодательство определяло круг работ, противоречивших статусу военнопленного, предвосхищая тем самым положения международных конвенций последующего столетия.

Со вступлением человечества в эпоху новейшего времени изменились формы и методы ведения боевых действий: орудия убийства совершенствовались, войны приобрели массовый и затяжной характер, выросло число их участников, увеличилось и количество жертв войны. Так, во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. погибло почти 60 млн чел., более 35 млн чел. оказались за колючей проволокой лагерей для военнопленных, интернированных и перемещенных лиц.

На рубеже XIX–XX вв. активно развивается и международное право о жертвах войны. В 1899 г. состоялась Гагская мирная конференция, созванная по инициативе русского императора Николая II. На ней были приняты три конвенции: «О мирном разрешении международных столкновений», «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г. о раненых и больных», «О законах и обычаях сухопутной войны». В последней говорилось об учреждении справочного бюро по военнопленным в странах-участницах вооруженного конфликта, освобождения от таможенных сборов посылок и почтовой корреспонденции военнопленных, обязательном и взаимном порядке их репатриации. В документе указывалось, что «по заключению мира отсылка военнопленных на родину должна быть произведена в возможно близкий срок»²⁸.

Историческое значение Гагской конференции 1899 г. состояло в том, что, несмотря на многочисленные противоречия между государствами, принимавшими участие в ее работе, впервые в истории удалось выработать многостороннее международное соглашение, регулирующее положение военнопленных на основе общепризнанных правовых принципов и обычаев обращения с военнопленными.

Положения конвенции 1899 г. получили дальнейшее развитие в ходе Гагской конференции 1907 г. Доработанная Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны насчитывала 18 статей, регулирующих правовое положение военнопленных, а именно: порядок содержания, медицинское обслуживание, продовольственное обеспечение, а также порядок посещения мест пребывания пленных со стороны уполномоченных благотворительных обществ. Кроме того, этот документ, подписанный делегациями от 44 государств, определял состав комбатантов — участников боевых действий, имевших право на статус военнопленных.

В перерыве между двумя Гагскими конференциями состоялся еще один крупный международный форум — Женевская конференция 1906 г. Сторонами-участницами были внесены существенные коррективы в Конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, принятую в 1864 г. Принцип нейтральности походных лазаретов и госпиталей, не выдержавший проверку временем, был заменен принципом покровительства. Это означало, что медицинский персонал терял право на неприкосновенность и подлежал пленению наравне с другими военнослужащими. Однако во время пребывания в плену медики получали возможность заниматься

своими прямыми обязанностями, использование их в каком-либо ином качестве категорически воспрещалось. Согласно конвенции военнопленные, нуждавшиеся в лечении, должны получать медико-санитарный уход вне зависимости от их национальности. Реализацию этого положения обеспечивала ст. 28, которая устанавливала судебную ответственность для лиц, виновных в «дурном обращении с ранеными и больными».

Первая мировая война стала серьезным испытанием действенности норм международного права. Обязательства, вытекавшие из конвенций о военнопленных, ставили правительства стран-участниц в достаточно сложную ситуацию: с одной стороны, приходилось содержать огромное количество обездвиженных неприятельских военнослужащих в условиях тотального напряжения экономических и материальных ресурсов, с другой — принятые международные обязательства требовали соблюдения принципов гуманизма к поверженному противнику.

Россия в этом отношении мало отличалась от других держав: на ее территории оказалось около 2 млн военнопленных из состава германской, австро-венгерской, турецкой и болгарской армий²⁹. На основе положений Гаагской и Женевской конвенций русское правительство подготовило и утвердило 7 октября 1914 г. «Положение о военнопленных». Согласно циркулярам МВД все германские и австрийские подданные призывного возраста, находившиеся на территории Российской империи, объявлялись военнопленными и подлежали высылке в удаленные от театра боевых действий местности. Гражданам австрийской и немецкой национальности, занимавшимся мирным трудом и находившимся вне подозрения в проведении разведывательной работы, разрешалось оставаться на своих местах и пользоваться покровительством российских законов³⁰. Создание мест постоянного содержания для военнопленных не предусматривалось, поэтому при размещении пленных губернскими администрациями было предоставлено широкое поле для творчества, что привело их в состояние крайнего замешательства. Основная масса пленных размещалась в провинциальных селах и деревнях и использовалась на сельскохозяйственных работах, лесозаготовках, строительстве железных дорог и гидротехнических сооружений и т. д. Распределением пленных занимались губернские и уездные земства, куда земледельцы и землевладельцы направляли заявки, на основании которых затем формировались рабочие команды³¹.

Находясь под контролем местных властей, пленные имели возможность свободно передвигаться в границах отведенного им населенного пункта. Согласно инструкциям, они должны были ежедневно проходить регистрацию в местном полицейском участке и ежедневно возвращаться в выделенные для проживания помещения не позднее 22 часов. Как свидетельствуют документы и свидетельства очевидцев, пленные, трудившиеся в крестьянских или помещичьих хозяйствах, имели возможность не только хорошо питаться, но и существенно улучшить свое материальное положение³².

В гораздо худшем положении находились военнопленные, трудившиеся на объектах государственного и военного значения. Особенно тяжелым было положение бывших солдат австро-венгерской

армии, занятых на строительстве Мурманской железной дороги. Местная администрация не смогла в достаточной мере снабдить военнопленных ни продовольствием, ни медикаментами, ни помещениями, пригодными для проживания в полярном климате. В результате среди пленнх свирепствовали цинга, тиф и туберкулез, угрожающие масштабы приобрела смертность. Очевидец событий В. Визе писал: «Я видел много потрясающих картин бедствий военнопленных, видел, как в немногочисленных железнодорожных больницах цинготные, уже неспособные двигаться, валялись кучами в тесных коридорах, так как койки бывали всегда заняты, видел, как ежедневно пленные с пожелтевшими и посеревшими лицами, со скрюченными от цинги ногами еле волочили положенное в грубо сколоченный гроб тело своего товарища»³³.

Проезжавший через Мурманск английский контр-адмирал Филлимор, пораженный ужасными условиями содержания военнопленных, предложил русскому правительству вывезти больных пленнх на одном из английских пароходов в Марокко, но Совет министров отклонил это предложение³⁴. Известие о невыносимом положении «братьев по крови» дошло до русского самодержца. Николай II поручил капитану II ранга М. С. Рошдаковскому объявить всем рабочим и служащим Мурманской железной дороги «благодарность за труды». «Царский посланец», проезжая в середине января 1917 г. из Кеми в Кандалакшу, рекомендовал лечить цинготных военнопленных «свежим воздухом и физическим трудом». Во время одной из остановок капитан на безукоризненном немецком языке произнес речь для военнопленных, основное содержание которой сводилось к тому, что отлынивающие от работы лица будут «расстреляны и повешены»³⁵.

События февраля 1917 г. внесли существенные изменения в жизнь военнопленных. После Октябрьской революции и заключения Брест-Литовского мирного договора иностранные пленнх были объявлены свободными. Большинство из них вернулось на родину, но были и те, кто остался в России и участвовал в гражданской войне.

Первая мировая война выявила многочисленные упущения и недоработки в законодательстве по вопросам военного плена. С 1925 г. началась подготовка конференции в Женеве, призванной, с одной стороны, пересмотреть конвенцию о раненых и больных, а с другой — выработать такую конвенцию о военнопленных, которая бы, в отличие от Гаагской, более подробно регламентировала их права и обязанности. Итогом этой подготовительной работы стало подписание в Женеве 27 июля 1929 г. делегациями от 47 государств двух конвенций: «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» и «Об обращении с военнопленными». Они исходили из принципа неприкосновенности личности военнослужащего, попавшего в неприятельский плен. Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях обязывала воюющие государства оказывать раненым и больным военнослужащим противника медицинскую помощь независимо от их звания и национальности, на равных условиях с ранеными и больными военнослужащими собственной армии. Кроме того, стороны, находившиеся в состоянии войны, должны были извещать друг друга о местах содержания раненых и больных военнопленных и

предоставлять им первоочередное право на обмен и интернирование на территорию нейтральных государств.

Более подробно вопросы содержания военнопленных разъясняла Конвенция об обращении с военнопленными. В ней указывалось, что пленные должны находиться «во власти неприятельской державы, но отнюдь не отдельной воинской части, взявшей их в плен». Подчеркивалось, что с обезоруженными солдатами противника необходимо обходиться гуманно, защищать их от насилия, оскорблений и любопытства толпы. Репрессии в отношении военнопленных строго воспрещались. Примечательно, что Советский Союз, исходявший в вопросах военного плена из классовых императивов, отказался от подписания упомянутой конвенции, мотивируя свою позицию буржуазной и милитаристской направленностью последней.

Известно, что в годы Второй мировой войны многие положения Женевских конвенций были преданы забвению почти всеми государствами-участниками. Наиболее цинично общепризнанные нормы человечности и гуманизма, зафиксированные в тексте Женевских конвенций, попирали гитлеровская Германия, в свое время подписавшая указанные документы. О масштабах злодеяний Германии в отношении военнопленных говорят следующие цифры: во власти Германии в годы войны находились 5,7 млн советских военнопленных, из которых 3,3 млн погибли от голода, холода, болезней и рабского труда (57,8%)³⁶.

Подобная практика получила осуждение в глазах мирового сообщества. 30 октября 1943 г. была принята Московская декларация об ответственности гитлеровцев за массовые преступления, подписанная СССР, США и Великобританией. В декларации говорилось, что германские солдаты, офицеры и члены нацистской партии, ответственные за зверства, убийства и казни, совершенные на территории временно оккупированных ими стран, после войны будут привлечены к судебной ответственности по месту совершения преступлений.

20 ноября 1945 г. — 1 октября 1946 г. в Нюрнберге перед Международным военным трибуналом предстали нацистские руководители (21 чел.), обвиняемые в совершении военных преступлений. Подсудимым кроме прочих обвинений были предъявлены обвинения в убийствах и истязаниях военнопленных и мирных жителей оккупированных стран. В ходе процесса состоялось 403 открытых судебных заседания, было допрошено 116 свидетелей, рассмотрено свыше 5 тыс. документальных доказательств. Трибунал приговорил Г. Геринга, И. Риббентропа, В. Кейтеля, Э. Кальтенбруннера, А. Розенберга, Г. Фрика, Ю. Штрейхера, Ф. Заукеля, А. Йодля, А. Зейсс-Инкварту и М. Бормана (заочно) к смертной казни, остальных (Р. Гесса, В. Фрика, Э. Редера, Б. Шираха, А. Шпеера, К. Нойрата и К. Деница) — к разным срокам тюремного заключения. В 1967 г. специальная декларация ООН провозгласила принцип, согласно которому военным преступникам не может быть предоставлено право политического убежища. Неприменение сроков давности к данным лицам предусмотрена конвенция Генеральной Ассамблеи ООН от 26 ноября 1968 г. Лица, виновные в совершении военных преступлений, были подвергнуты уголовному наказанию не только в Нюрнберге. Среди иностран-

ных военнопленных в СССР также были выявлены солдаты и офицеры, представшие перед судом за совершение подобных деяний.

Одним из закономерных итогов Второй мировой войны стало принятие Женевских конвенций 1949 г. — итоговых многосторонних международных соглашений в области законов и обычаев войны, направленных на защиту жертв вооруженных конфликтов. Непосредственное отношение к проблеме военного плена имели две конвенции. Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. обязывала ее участников оказывать помощь на поле боя раненым и больным неприятеля, причем запрещалась какая-либо дискриминация по признакам пола, расы, национальности, политических убеждений и религиозных воззрений. Указывалось, что все раненые и больные, оказавшиеся во власти неприятеля, должны быть зарегистрированы, а данные о них сообщены тому государству, на стороне которого они сражались.

Конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. регламентировала правила обращения с обезоруженными солдатами противоборствующей стороны. В ней говорилось, что противник, вышедший из строя, сдавшийся в плен или выражающий намерение сдаться в плен, не должен быть объектом нападения. Запрещалось наносить физические увечья пленным или подвергать их медицинским и научным экспериментам. Неприятельских солдат и офицеров предписывалось размещать в помещениях, отвечающих необходимым гигиеническим требованиям, запрещалось посылать в район боевых действий и т. д. В рассматриваемых документах появились и принципиально новые статьи, касающиеся, к примеру, сроков репатриации и привлечения военнопленных к уголовной ответственности.

Несомненным достижением Женевской конференции 1949 г. явилось принятие Конвенции о защите гражданского населения. Согласно ей статус комбатантов получили участники партизанского движения. Известно, что на Нюрнбергском процессе адвокаты главных военных преступников оправдывали приказы о жестоком обращении с партизанами тем, что последние не попадали под действие Женевской конвенции о военнопленных 1929 г.

Женевские конвенции 1949 г., в отличие от Женевской конвенции 1929 г., были приняты с участием СССР, который ратифицировал их в 1954 г. В 1977 г. в качестве приложений к вышеназванным соглашениям были приняты два дополнительных протокола, направленные на защиту жертв вооруженных конфликтов международного и локального характера³⁷.

Таким образом, мы можем проследить историческое развитие нормативно-правового регулирования режима военного плена, увидеть гуманизацию норм международного права в отношении узников войны. Каждая новая война давала очередной толчок к принятию документов, учитывающих реалии минувших военных баталий и создающих международно-правовые механизмы защиты их участников от пагубных последствий вооруженных конфликтов. Но, к сожалению, человечество так и не научилось предотвращать сами войны — главный виновник гибели и неволи миллионов людей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См. подр.: Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. С. 56.

² См.: Там же. С. 39.

³ См.: Чернышева А. З. Пленные в государстве хеттов // Вестник древней истории. 1986. № 4; Менабде Э. А. К вопросу об экономическом развитии Хеттского царства // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М., 1963. С. 73–87; Попов В. П. О статусе рабов в Хеттском царстве // Вестник древней истории. 1960. № 3. С. 73–88.

⁴ Цит. по: Амелин А. Б. Международно-правовое регулирование военного плена: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. С. 7.

⁵ Цит. по: История дипломатии. М., 1941. Т. 1. С. 45.

⁶ См.: Амелин А. Б. Указ. соч. С. 10.

⁷ См.: Памятники русского права / Под ред. С. В. Юшкова. М., 1952. Вып. 1. С. 12–13.

⁸ См.: Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 2000. С. 70; Лохвицкий А. О пленных по древнему русскому праву. М., 1855. Гл. I. С. 5–34.

⁹ Лохвицкий А. Указ. соч. Гл. IV. С. 18.

¹⁰ См.: Коровин Е. А. История международного права. М., 1946. Вып. 1. С. 61.

¹¹ См.: Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 199–201. Что же касается 20 тыс. шведских солдат и офицеров, то их в конце 1710 г. разместили в Астрахани, Казани и Архангелогородской губернии. Около 9 тыс. шведов отправили в Сибирь под надзор сибирского губернатора князя М. П. Гагарина. Большинство из пленников зарабатывали на жизнь своим трудом, получая от казны скромное довольствие — по две деньги и полтора четверика ржи на месяц. В этих условиях шведы занимались торговлей, ремеслом, работали на уральских заводах, шли в музыканты, артисты, учителя. Часть из них состояла на государственной службе, используя свои управленческие знания и навыки. Так, государеву жалование 10 руб. в год и чин сына боярского получил в 1716 г. швед Михаил Почекулин (См.: Акишин М. Пленные шведы и дьявол // Родина. 1994. № 2. С. 42–44). Более подробно о судьбах шведских военнопленных в Петровскую эпоху см.: Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века. М., 2005.

¹² См.: Конасов В. Б. Проблема правовой защиты военнопленных в исторической ретроспективе // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Вологда, 2000. Ч. 1. С. 39.

¹³ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. № 16708.

¹⁴ Тарле Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море. М., 1948. С. 52. Практика гуманного обращения с обезоруженными неприятельскими военнослужащими была характерна не только для морского, но и для сухопутного театра военных действий. Так, в период русско-польской войны 1794 г. после штурма одного из городов русскими войсками под предводительством А. В. Суворова было захвачено в плен 12 860 поляков, из которых 10 тыс. были ранены. Всех раненых русский командующий приказал отпустить по домам (См.: Урланис Б. Ц. История военных потерь (историко-статистическое исследование). СПб., 1998. С. 313).

¹⁵ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925. Ч. 1. С. 12.

¹⁶ Однако бюрократическая путаница и произвол обрекли на провал некоторые из обещаний армейского командования. В результате далеко не все неприятельские офицеры получили причитающееся жалование, а часть из них вместо возвращения на родину оказалась выслана во внутренние губернии России. Более того, по указу А. А. Аракчеева почтовые чиновники осуществляли изъятие и перлюстрацию почтовой корреспонденции военнопленных. Все это породило целый поток жалоб пленных в Военное министерство России (См.: Миловидов Б. П. Шведские военнопленные в России в 1808–1809 гг. // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации. Ч. 2. С. 66–67).

¹⁷ См. подр.: Бессонов В. А. Нормативные документы, определявшие содержание военнопленных в Российской империи в 1812

году // Отечественная война 1812 года: источники, памятники, проблемы. Бородино, 1999.

¹⁸ См.: Тихомиров С. А. Отношение российских властей к иностранным военнопленным наполеоновской эпохи // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 23–25 октября 1997 г.). Вологда, 1997. Ч. 1. С. 162.

¹⁹ См.: Голубцов Н. А. 1812 год в Архангельской губернии. Архангельск, 1912. С. 27–28.

²⁰ См.: Он же. Город Архангельск и его губерния в Отечественную войну. Архангельск, 1913. С. 7–8. Тем не менее требования относительно снабжения пленными одеждой и провиантом не всегда соблюдались. Так, в апреле 1814 г. губернатор Архангельска Перфильев доносил главнокомандующему в Петербург: «28 минувшего марта поступила в г. Архангельск из Вологды партия военнопленных французов, состоящая из 299 человек нижних чинов. Пленные сии прибыли сюда в самой худой и изношенной одежде, так что уже она впрямь к употреблению не способна, да и починить ее по ветхости нельзя, другие же объявляют, что они вообще ее не получали» (Цит. по: Голубцов Н. А. 1812 год в Архангельской губернии. С. 30).

²¹ См.: Тихомиров С. А. Указ. соч. С. 165.

²² Так, из находившихся в Архангельске 1189 неприятельских солдат 51 чел. был послан на казенные заводы, 66 чел. назначены в госпиталь для варки пищи, 7 чел. отданы на поручительство «партикулярным людям», 12 чел. отданы в услужение купцам и мастеровым людям. Остальные использовались на строительных работах с выдачей им зарплаты по существующим ценам. Военнопленные офицеры к работам не привлекались, а оставались на иждивении государства. По подсчетам Н. А. Голубцова, из числа 1189 военнопленных наполеоновской армии в Архангельске заболели 766 чел. (64,4%), из которых скончались 166 чел. (14,4%) (См.: Голубцов Н. А. Город Архангельск и его губерния в Отечественную войну. С. 10–11; он же. 1812 год в Архангельской губернии. С. 42–44).

²³ Голубцов Н. А. 1812 год в Архангельской губернии. С. 51. Справедливости ради надо сказать, что Франция по достоинству оценила благородство победителей. Так, генерал И. Н. Инаев, участник Итальянского и Швейцарского походов А. В. Суворова, Отечественной войны 1812 г. и последовавших за ней заграничных походов, был удостоен ордена за гуманное обращение с пленными французскими подданными.

²⁴ См.: Голикова Н. И. Военнопленные в Вологодской губернии во второй половине XIX века // Проблемы военного плена: история и современность. Ч. 1. С. 166.

²⁵ См.: История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. 2. С. 389.

²⁶ См.: Каминский Л. С., Новосельский С. А. Потери в прошлых войнах. М., 1947. С. 28–29.

²⁷ См.: Голикова Н. И. Указ. соч. С. 167.

²⁸ Цит. по: Амелин А. Б. Указ. соч. С. 50–51.

²⁹ Историк Л. В. Матушак, касаясь вопроса о численности военнопленных Первой мировой войны в России, приводит цифру 1 млн 961 тыс. чел. (См.: Матушак Л. В. Военнопленные Первой мировой войны на Урале // Проблемы военного плена: история и современность. Ч. 1. С. 173. См. также: Васильева С. Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999).

³⁰ См.: Поморская энциклопедия. Архангельск, 2001. Т. 1: История Архангельского Севера. С. 260.

³¹ См.: Люкшин Д. «Да за нашими бабами вьются...»: Военнопленные в крестьянской России // Родина. 2002. № 10. С. 24–27.

³² См.: Там же. С. 25.

³³ Визе В. Всемирная война и Архангельский край // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1918. № 3–4. С. 57.

³⁴ См.: Там же. С. 58.

³⁵ См.: Там же.

³⁶ См. подр.: Хавкин Б. Л. Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература // Проблемы военного плена: история и современность. Ч. 2. С. 6, 10.

³⁷ См.: Основные положения Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним. М., 1996.